

сов рисует в несколько ином социальном аспекте, предполагающем расширение социальной проблематики, появление революционно-действенных форм защиты крестьянского благополучия.

Опыт сравнительного изучения отдельных образов двух поэтов Некрасова 1870-х годов позволяет дополнить существующее мнение о возможном влиянии его поэзии на формирование взглядов и убеждений деятелей революционного народничества, шире определить идейно-творческие позиции Некрасова в период «хождения в народ».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 22, с. 119.

² Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1947, с. 435.

³ Гаркави А. М. Революционное народничество в поэтическом освещении Н. А. Некрасова.— «Русская литература», 1960, № 4, с. 203.

⁴ Бикбулатова К. Ф. Поэма Н. А. Некрасова «Дедушка». — В кн.: Историко-литературный сборник. М.—Л., 1957. с. 106.

Л. Г. Максимова

ОБ ИДЕЙНОМ СОДЕРЖАНИИ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Главой «Поп» открывается поэма (если не считать сказочного Пролога). Читатель вводится в атмосферу деревни пореформенного периода. Грустные картины ранней весны, рассказ попа о своих нуждающихся прихожанах создают представление о безрадостной, полной нужды, жизни крестьянства. Но изображение жизни народа содержание главы не исчерпывает.

Давно уже установлен факт связи главы «Поп» с дискуссией о духовенстве, развернувшейся в русской печати в 1860-е годы¹. Однако характер участия Некрасова в этой дискуссии, его вклад в развитие русской демократической мысли по вопросу о роли духовенства в обществе — еще не изучены. А между тем проблема духовенства занимает очень большое место в главе, игнорирование ее ведет к обедненному пониманию идейного содержания поэмы.

Настоящая работа является попыткой восполнить указанный пробел. В статье предлагаются результаты анализа основных направлений в ходе дискуссии о духовенстве, а также исследование позиции автора в монологе персонажа главы «Поп».

Как известно, первое решительное выступление русской демократии против религии и духовенства принадлежит В. Г. Белинскому. В знаменитом «Письме к Гоголю», страстно опровергая версию о внутреннем единстве духовенства и народа, Белинский назвал церковь «опорой кнута и угодницей деспотизма».

Эти гневные строки долгое время не могли быть напечатаны, но были хорошо известны всем, кто считал себя учеником Белинского. Для русской демократии 60-х годов «Письмо Белинского к Гоголю» стало программой.

Провести в печать «вольнодумные» мысли о духовенстве было крайне трудно. В 1859 г. за это дело энергично взялся Н. А. Добролюбов. Среди его работ этого года немало таких, где ощущается настойчивый поиск формы проведения через цензуру критических суждений о церкви, религии и духовенстве. Используя жанр рецензии, Добролюбов сумел затронуть довольно большой круг вопросов (см. статьи «Основания опытной психологии. Сочинения архимандрита Гавриила»; «Голос древней русской церкви. Речь А. Шапова»; «Описание болезни госпожи Артамоновой. Сост. И. Рклицкий» и другие).

Однако по-настоящему широкую возможность выступить со своими взглядами по вопросам жизни и деятельности русского духовенства получил критик в связи с нашумевшей книгой священника И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», вышедшей в Париже в 1858 г.

Автор книги, искренне уверенный в высоком назначении духовных лиц, скорбел о чрезвычайно трудном материальном положении духовенства на Руси. Беллюстин настаивал на введении постоянного жалования священнику и освобождении его от необходимости жить поборами с населения. Однако фактический материал, введенный в книгу, говорил сам за себя. Беллюстин убедительно показал не только бедность духовенства, но и его низкий моральный уровень, духовное убожество и ограниченность.

Используя полемику, разгоревшуюся вокруг книги Беллюстина, Добролюбов дважды выступил в ее защиту. Ему приходилось быть чрезвычайно осторожным. Он писал рецензии на брошюры об этой книге, заверяя, что не читает запрещенных книг. И тем не менее рецензии Добролюбова «Мысли светского человека» (1859) и «Заграничные прения о положении русского духовенства» (1860) стали программными выступлениями «Современника» по вопросу о духовенстве. Добролюбов выделяет главные аспекты проблемы: значение духовенства в обществе и в нравственной жизни народа.

Изыскивая возможные в тех цензурных условиях темы для всестороннего освещения в печати жизни духовенства, Добролюбов предложил рассмотреть организацию обучения в духовных консисториях и духовных училищах, а также взаимоотношения священников и прихожан. Видимая безобидность тематики на самом деле позволила обойти цензуру и приступить к изучению роли и значения священника как «духовного пастыря» народа.

Мысли, намеченные Добролюбовым, были развиты молодыми сотрудниками «Современника»: в 1861—62 гг. в журнале по-

явились «Письма об Осташкове» В. А. Слепцова, в 1862—63 гг. — «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, в 1863 г. — «Ставленник» Ф. М. Решетникова; в эти же годы был напечатан целый ряд рецензий на книги о духовенстве.

Все эти материалы вызывали пристальное и недоброжелательное внимание цензуры; многие из них были опубликованы с цензурными изъятиями и искажениями.

Вопрос о духовенстве был для журнала частью общей программы борьбы за преобразования русской жизни.

Глава «Поп» по времени написания примыкает именно к этому периоду борьбы «Современника». Она была написана, по-видимому, не позже 1865 г. (см. III, 638—639). Но напечатана она была лишь в № 1 «Отечественных записок» в 1869 г.

Необходимо отметить, что некрасовские «Отечественные записки» также проявляли довольно устойчивый интерес к этой проблеме. Именно с 1868 г. в журнале начинают появляться смелые статьи о духовенстве, по своему подходу к проблеме напоминающие статьи Добролюбова. Здесь особенно следует выделить № 10 журнала за 1868 г., где была помещена рецензия А. П. Пятковского на диссертацию священника Горчакова и «Современные заметки» Л. И. Розанова².

Делая обширный пересказ диссертации Горчакова, А. П. Пятковский не согласился с главным выводом магистра о независимости церкви от государства. Обращаясь к истории православия и церкви, он категорически утверждал: «Христианство распространилось у нас не миссионерством, не пламенной проповедью, а простым повелением великого князя... Князь и дружинники — вот естественные союзники, вот единственная поддержка для духовенства... Духовенство, вместо того, чтобы отстаивать права народа, перешло на сторону централизующей власти»³.

И хотя рецензент не касался современных отношений, очевидна актуальность поставленного вопроса.

Замечательно, что в этом же номере журнала публикуются сообщения о событиях крестьянской жизни последних лет, комментарии к которым перекликаются с рецензией на магистерскую диссертацию.

Мы имеем в виду рассказ о возмущении крестьян Сарапульского уезда. Вынужденные под давлением вызванной военной команды платить непосильную подать, крестьяне в знак протеста отказались ходить в церковь. Обозреватель спрашивал: «...Что здесь общего между сбором подати, хотя бы и при посредстве экзекуции, и хождением в церковь, уважением известных законов и обрядов христианской религии и признанием духовенства за служителей алтарей? Какая может быть связь между этими двумя совершенно различными предметами? Отчего неудовольствие и, пожалуй, озлобление на несправедливый — по их мнению — сбор податей перешло и на религию и предста-

вителей ее в лице духовенства?.. Вероятно, были же для этого какие-нибудь достаточные побуждения»⁴.

Нетрудно заметить, что Л. И. Розанов здесь совершенно разделяет взгляд Белинского на церковь как «поборницу кнута», а в эпизоде современной жизни обнаруживается рост самосознания крестьянства, поднимающегося до понимания истинного отношения духовенства к нему. Обе приведенные публикации «Отечественных записок» смело ставили вопрос о неразрывной связи церкви с господствующей властью, глубокой вражде ее к народу.

Публикуя в 1869 году главу «Поп», Некрасов не мог не учитывать, что читатели будут воспринимать ее не только как начало будущей поэмы, но и как еще одно выступление по набравшему общественному вопросу.

Глава «Поп», действительно, содержала цельный взгляд поэта на духовенство, результат раздумий и трезвого анализа действительности, сделанный художником-мыслителем.

Для осмысления главы и определения позиции Некрасова в вопросе о духовенстве особенно важно проанализировать монолог попа, занимающий большую часть текста всей главы. На первый взгляд, монолог является только выражением мыслей и чувств говорящего, благодаря чему читатель имеет возможность познакомиться с одним из представителей русского духовенства 60-х годов и его взглядами на жизнь. Действительно, замечательное мастерство истинного художника проявил Некрасов в отделке художественной ткани монолога, создающего впечатление полного отсутствия автора в речи героя. В самом начале речи заявлено ограниченное представление попа о счастье: покой, богатство, честь. Соответственно этим трем частям ведется рассуждение, и настолько убедительно, искренне и воодушевленно доказывает поп, что в настоящем нет у духовенства ни покоя, ни почета, ни богатства, что создается впечатление, будто и автор ни о чем, кроме как о горестях и заботах пореформенного священника, не думает и полностью разделяет его точку зрения, отчасти даже сочувствуя ему.

Однако, всматриваясь в содержание так просто и ясно намеченных частей — покой, богатство, честь, — мы видим, что оно не охватывается этими обозначениями, оно значительно шире. Внутри названных тем живут и развиваются иные, более широкие и важные. О них прямо не размышляет персонаж, они нужны автору, обнаруживают его способ мышления, его подход к явлениям.

Отбор материала и его расположение в монологе таковы, что, являясь выражением идей героя, монолог в то же время в полной мере отражает раздумья автора.

На искусство Некрасова в построении монологов указывает Б. О. Корман: «...Монологи героев звучат так естественно, что читателю начинает казаться: только так они и возможны, толь-

ко так и могли бы говорить в стихотворениях герои. Но это — иллюзия. Герои могли бы говорить по-другому, они могли бы предстать перед читателем в другом облике — в зависимости от того, каким увидел бы их автор. Автор стоит за монологами героев. Его нет непосредственно в тексте; но он есть в выборе материала, его расположении и освещении»⁵.

Положение это в полной мере может быть отнесено к характеристике монолога попа. Уже первые слова персонажа явно определены ходом мыслей автора. В них фактически перечисляются те стороны жизни духовенства, о которых журнал «Современник» уже достаточно много писал:

Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!
(III, 169).

Названные темы остаются неразвернутыми не потому, что они не важны для говорящего, а потому, что для Некрасова они уже исчерпаны работой предшественников. Некрасов обращается к другим, важным с его точки зрения аспектам проблемы.

Наиболее определенно авторская позиция проявляется в центральной части, где поп говорит о почете. Давно уже замечено, что здесь Некрасов использует слова Белинского. Это поразительный пример художественного мастерства поэта. Вполне благонамеренный поп произносит одно из самых пламенных изобличений духовенства. И слова революционера-демократа звучат в его речи вполне органично, не воспринимаясь как чужеродные. Тем не менее в этой части монолога нет ни одной мысли, принадлежащей персонажу, здесь мысль Белинского, развиваемая Некрасовым.

Следует заметить, что именно эти слова Белинского пытался провести через цензуру Добролюбов в статье «Мысли светского человека». Интересно сопоставить два варианта пересказа Белинского — добролюбовский и некрасовский.

У Белинского: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? Попов»⁶.

У Добролюбова: «Стоит послушать сказки народа и заметить, какая там роль дается всегда «попу, попадье, поповой дочери и попову работнику», — стоит припомнить названия, которыми чествят в народе «поповскую породу», чтобы понять, что тут уважения никакого не сохранилось»⁷.

У Некрасова:

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
...С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
...О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..
Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?
(III, 170, 171).

Чем можно объяснить такую привлекательность именно этих строк Белинского для Добролюбова и Некрасова?

Некоторые предположения возникают при сопоставлении их с высказываниями печати шестидесятых годов. Начиная с книги Беллюстина, все авторы, даже её критики, уже не могли обойти вопроса о неуважительном отношении народа к духовенству. Однако это считалось явлением последних десятилетий. Утверждалось, будто раньше существовали идиллические отношения отцов духовных и паствы, и они изменились лишь в последние годы. Подход В. Г. Белинского был принципиально иной. Неуважение и даже презрение народа отразилось в устном народном творчестве, а, значит, это исторически сложившиеся отношения, проявление каких-то постоянно действующих факторов; отражение глубинных процессов развития общества.

Видимо, глубокий историзм Белинского привлек в свое время Добролюбова, и он попытался провести это замечательное высказывание в печать. Но, хотя Добролюбовым был создан максимально смягченный пересказ (были убраны все народные прозвища, выражение «дурья порода» заменено «поповская порода»), цензура не пропустила его⁸.

Безусловно, Некрасов знал о попытке Добролюбова. Уже поэтому нельзя думать, что его своеобразное цитирование было случайным. Это было сознательное указание читателю-единомышленнику на верность идеям революционных демократов.

Некрасов полностью сохраняет не только мысль Белинского об исконном презрении народа к духовенству, но и передает ее резко отрицательную тональность. При этом он как бы приводит новые доказательства правильности положения Белинского: не только в сказках и прозвищах отразилось отношение народа к попу, но и в приметах («С кем встречи вы боитесь, Идя путем-дорогою?»), в песнях, и, очевидно, всевозможных историях и анекдотах («слагаете... всякую хулу»).

Однако Некрасов не просто цитировал Белинского. Анализ текста показывает, что это замечательное высказывание было тем идейным центром в раздумьях автора, который объединяет весь остальной материал монолога — его первую и третью часть.

Некрасов явно привлекал внимание читателя к этой части монолога. Из общего потока речи попа оно выделено диалогической формой. И каждый вопрос, сопровождаемый паузой-молчанием растерянно смущенных слушателей, заставляет читать медленно, останавливаясь и размышляя над сказанным. Жалоба попа на неуважение народа звучит сразу после его убедительного рассказа о «безотговорочной» службе народу. Тем самым намеренно заостряется противоречие: священник трудится для народа, не зная ни сна, ни покоя, а в ответ не получает даже элементарного уважения.

Однако противоречие это мнимое. Оно живет в сознании персонажа и чуждо автору. Для читателя оно разрешается всем дальнейшим повествованием. В той части монолога, где поп рассказывает, «откудова богатство поповское идет», Некрасов точно и беспощадно обнажает суть отношений между сословиями, причины враждебности духовенства и народа.

Обращаясь к эпохе расцвета поместного дворянства, поэт воссоздает ее характерные черты тщательно подобранными, удивительно емкими деталями:

Во время недалекое
Империю российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые...
(II, 172).

В те времена укреплялись связи между духовенством и дворянством. Тогда богатые помещики были в состоянии щедро платить за церковный обряд, каждая свадьба или похороны были «попу полправка добрая». В уста своего персонажа вкладывает поэт четко сформулированный закон взаимоотношений двух сословий:

Плодились и множились
И нам давали жить
(III, 172),

Некрасовский поп не скрывает ни своего восхищения дворянством, ни причин этого восхищения. Как верный слуга, он радуется богатству доброхотного хозяина и готов простить ему всякое проявление своей власти и силы. Лишь вскользь говорит он об этом: «Хотя и крутонравные, Однако доброхотные То были господа». Любопытно, что в беллетристике 60-х годов довольно настойчиво звучали жалобы на плохое отношение дворянства к духовенству: бесцеремонность, грубость и т. п. Очевидно, в действительности такие факты имели место. Но Некрасов снимает эту сторону вопроса, так как он выявляет самое главное и определяющее в отношениях. По характеру доходов благосостояние духовенства прямо зависит от тех, кто хорошо

платит, и оно будет верно им служить. Вот почему поп и помещик всегда ближе друг к другу, чем к народу.

Трезвый подход, который применяет Некрасов, исследуя отношение сословий, позволяет ему исчерпывающе точно объяснить чувство глубокого отталкивания, которое испытывает народ к духовенству. Приношения народа попу очень скромны, поэт перечислил их: «Мирские гривенки, Да пироги по праздникам, Да яйца о святой» (III, 174). С такого не разбогатеешь. И все-таки духовенство — активный дольщик народного труда.

Глубина художественной мысли Некрасова и ее самостоятельность становятся особенно ощутимы при сопоставлении с произведениями тех лет. Так, на первый взгляд, есть большое сходство в сегованиях некрасовского попа и отца Флегонта из очерка <К. В. Лаврского> «Наша сельская жизнь», появившегося в «Отечественных записках» Краевского в 1867 г.⁹

Живописно рисует автор резкое ухудшение материального положения своего героя после реформы. Помещики стали грубы, «разом прекратили свое вспоможение», не хотят ничего давать и крестьяне. С пустой телегой движется причет по селу во главе с отцом Флегонтом, ворота домов заперты, на заискивающий оклик попа высовывается голова крестьянина из соседней избы:

« — Что, Трофим дома? — спрашивает священник.

— Как же... дома, ...сейчас сидел у ворот, да, видно, схоронился: увидел вас да и схоронился»¹⁰.

Автор не скрывает явно неблагоприятных отношений между отцом Флегонтом и крестьянами. Сегодня обманули его, завтра обманет он. И все-таки главный интерес для него составляет вопрос о путях улучшения материального положения духовенства. Он приводит подробную смету доходов и расходов семьи священника. Он взывает: «Необходимо... обеспечить материальное положение духовенства, и поставить его в совершенно независимое положение к прихожанам»¹¹.

Проблема постоянного жалования священникам широко обсуждалась в 1860-х годах. И то, что некрасовский поп, говоря об уменьшении доходов, никак не касается этого, столь близкого каждому русскому священнику, вопроса — явное доказательство наличия в его монологе той авторской позиции, которая по существу не имеет ничего общего с позицией многочисленных защитников духовенства. Некрасова мало волновали материальные затруднения этого сословия в пореформенной России. Тема его доходов была поднята им совершенно для другой цели. Главным для Некрасова было исследование характера взаимоотношений между народом и духовенством, объяснение их причин.

Внимание исследователей поэмы давно привлекает та часть монолога персонажа, где воссоздается потрясающая картина крайней нищеты деревни. Бесспорно, она важна для выявления

понимания Некрасовым жизни народа в пореформенный период. Однако и здесь поэта продолжает занимать проблема: народ и духовенство. Именно здесь логически завершается исследование. Драматична сцена в крестьянской семье, потерявшей кормильца. Мать умершего крестьянина протягивает попу два медных пятака, и тот, сам сознавая всю бесполезность своего посещения, все-таки не может оказываться от жалких грошей: «Не брать — так нечем жить» (III, 175).

В этой части монолога некрасовский поп проявляет себя как человек чуткий и незлой, он способен даже по-своему пожалеть крестьянина. Но как бы субъективно добр и гуманен ни был тот или другой священник, он живет за счет крестьянских грошей и не откажется взять даже последний¹².

Сочувственные крестьянину нотки, звучащие в словах некрасовского персонажа, породили в литературе об этой главе немало всевозможных толкований; поэта пытались объявить защитником духовенства.

Так, цензор Н. А. Лебедев нашел, что «рассказ попа, каково жить у нас священнику, самого грустного свойства», «в этой поэме выливается только гражданская скорбь на беспомощность сельского населения и его духовенства»¹³. «Довольно сочувственное, хотя и не без обычного юмора», отношение к сельскому священнику нашел в поэме автор «Внутреннего обозрения» журнала «Христианское чтение». Он даже давал такую трактовку образа попа у Некрасова: «Для смиренного пастыря его обязанности трудны не внешнею только и материальною стороною, а главным образом — внутреннею, нравственною тяготою, той тугой душевною, с какой сопряжено отправление его обязанностей»¹⁴.

Но подобная трактовка возможна только при поверхностном анализе, не учитывающем внутренней связи материала. Автор обозрения не заметил, насколько противоположны его взгляд на роль и назначение священника в обществе и взгляд Некрасова. Он утверждал: «Из образованных классов на Руси сельское духовенство единственное сословие, поставленное непосредственно, лицом к лицу с народом; оно естественный признанный его вождь на пути духовного развития. В его руках больше, чем в чьих-либо иных духовное будущее нашего народа»¹⁵.

В поэме Некрасова нет ни одного слова ни о душевных беседах с прихожанами, ни о влиянии церковной службы и проповеди. Лишь однажды мелькнет эта тема в рассказе попа о его чувствах в доме крестьянина:

Да слово утешения
Замрет на языке
(III, 175).

Духовная беседа не только не просветляет, она бессильна поддержать даже «дух бодр».

Некрасов ничего не говорит об учительской и воспитательной деятельности священника, хотя перечисляет его занятия на протяжении всей главы. Но что это за занятия? Он исполнитель церковного обряда, непреременный участник крестин, свадеб, похорон... Обряда привычного, но в сущности бесполезного для простого человека.

«Бог есть творец, люди тварь его, а ты поставлен между ними, следовательно, ты должен научить людей воздавать творцу должное», — писал некий автор «Памятной книжки для священника», безусловно, известной Некрасову. (Острая и умная рецензия на нее печаталась в «Современнике»¹⁶). Четко очерчивая круг обязанностей священника, Некрасов приземлял подобные выпренные определения его роли в обществе, сводил их фактически к чисто формальному действию.

Содержание главы «Поп» тесно связано с одним из направлений общественной борьбы 60-х годов. Отказываясь от обсуждения таких вопросов, как необходимость постоянного жалования для духовенства, учительская роль духовенства в жизни простого народа, наконец, противоречия между духовенством и дворянством, Некрасов привлекал внимание к тезису Белинского. Определенная в главных чертах формулировкой Белинского, мысль поэта логически развивалась от утверждения прочной связи попов с помещиками к обнаружению глубокой пропасти между ними и народом.

Именно Некрасову удалось в 60-х годах высказать наиболее глубокие и смелые идеи о духовенстве. Глава «Поп» — значительный этап в развитии революционно-демократической мысли в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кубиков И. Н. Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1933, с. 19—20; Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970, с. 63—64.

² Авторство А. П. Пятковского и Л. И. Розанова установлено в кн.: Боград В. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971, с. 374—375, 368—369.

³ «Отечественные записки», 1868, № 10, с. 216.

⁴ Там же, с. 262.

⁵ Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 100.

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1956, с. 215.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в девяти томах. Т. 6. М.—Л., 1963, с. 83—84.

⁸ См. там же, с. 489.

⁹ «Отечественные записки», 1867, № 2.

¹⁰ Там же, с. 410.

¹¹ Там же, с. 400.

¹² Видимо, прав К. Й. Чуковский, который писал: «Священник, беседующий с крестьянами в этой главе, резко отличается от других представителей сельского духовенства, каких изображал в своих стихотворениях Некрасов» (III, 651). Но в данном случае мы говорим не о личных качествах попа,

а о роли духовенства вообще, как понимал ее Некрасов. Конечно, изображение духовных лиц в некрасовской поэме сложное, но, нам кажется, нет серьезных оснований для вывода, что «служители культа, а равно «странники и богомольцы» вместе с крестьянами едва ли не главные герои «Кому на Руси жить хорошо» (Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова, М., 1973, с. 230). Отношение Некрасова к духовенству как к сословию, несомненно, было отрицательным.

¹³ Евгеньев-Максимов В. В руках у палачей слова.— «Голос минувшего», 1918, № 4—6, с. 85.

¹⁴ «Христианское чтение», 1874, март, с. 497.

¹⁵ Там же, с. 484.

¹⁶ «Современник», 1861, № 2, с. 294. Автор заметки не установлен. См.: Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М., 1959, с. 394.

М. М. Уманская

ИСКУССТВО РЕЖИССУРЫ НЕКРАСОВА В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Революционный демократизм и народность Некрасова, эпическая широта замысла поэмы, ярко проявившаяся в ней творческая индивидуальность поэта predeterminedили, в конечном счете, следующие четыре сложные и, казалось бы, не во всем совместимые задачи, стоявшие перед автором «Кому на Руси жить хорошо»: 1) глубоко и органично войти во внутренний мир крестьянских персонажей, встать рядом и вровень с ними, пройти рука об руку весь путь в поисках счастливого, т. е. преодолеть ту дистанцию, которая обычно отделяет личность автора от героев повествования; 2) выразить свое личное, авторское отношение к происходящему, дать волю гневу, горечи, негодованию, любви, восхищению и излить в лирических отступлениях свои раздумья над судьбой народа и родины; 3) через ряд живых сцен и эпизодов развернуть широкую панораму жизни русской пореформенной деревни; 4) встать над событиями и героями, подняться выше их, остаться тем всеведущим и всезнающим автором, который держит в своих руках все нити повествования и все судьбы героев и незримо управляет ими.

Эти-то четыре аспекта авторского сознания и объясняют многоликость, многогранность образа автора в поэме: он — и «восьмой мужик», и лирический герой, и «всеведущий» автор, вооруженный революционно-демократическими убеждениями, и, добавим, — режиссер-постановщик массовых народных сцен, особенно в главе «Пир — на весь мир», где режиссерское искусство Некрасова проявилось с особой полнотой и блеском.

О Некрасове, авторе «Кому на Руси жить хорошо», можно сказать, не боясь парадоксальности, что он — и драматург, и сценарист, и режиссер, а в ряде случаев, и актер в одном лице. По своей художественной структуре, близкой структуре сценического произведения, глава «Пир...» напоминает массовый на-